

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: ОБЗОР БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Кандидат исторических наук **Вячеслав Носевич**

Baltarusijos elektroninės dokumentacijos mokslo tiriamasis centras

Minskas, Baltarusija

El. paštas: vn@archives.gov.by

Тема образования Великого Княжества Литовского чрезвычайно востребована в современной политико-культурной ситуации. Историческое наследие этого государства и отношение к нему играют ключевую роль в формировании идентичности современных жителей Литвы, Беларуси и, в меньшей степени, Украины. Сегодня многие из них воспринимают ВКЛ как государство своих предков. Такое отношение определяется представлениями о возникновении этого государства, о роли различных этнических компонентов в его создании. Модерная литовская нация и национальное государство были построены во многом благодаря ощущению исторической преемственности (и даже тождественности) между современным населением Литвы и тем средневековым этносом, который выступил инициатором создания ВКЛ. Решающую роль при этом сыграло созвучие названий, которое на массовом уровне оказалось достаточным аргументом для подобного отождествления.

Нациетворчество белорусов изначально оказалось в более сложном положении, поскольку в историческом прошлом не было столь убедительных созвучий. Точнее, исторические самоназвания «русь», «руський», которым пользовались их предки, к моменту оформления белорусской национальной идеи были прочно «узурпированы» жителями России. Тот факт, что их пытались оспорить в свою пользу еще и украинские националисты, лишь усложнял ситуацию. Не случайно один из наиболее активных белорусских (в современном понимании) националистов, Вацлав Ластовский, долго не мог определиться с этнонимом для выражения своей национальной идентичности. Сам он склонялся в пользу термина «кривичи», который открывал путь для самоотождествления с создателями Полоцкого княжества, но этот вариант не встретил поддержки в его окружении. Возобладал термин «белорусы», который имел региональное, этнографическое наполнение и практически не нес

историко-политических ассоциаций. В источниках периода ВКЛ он если и встречался изредка, то с маргинальным оттенком. Это крайне затрудняло претензии тех, кто именовал себя белорусами, на наследие этого государства.

Взгляды В. Ластовского на историю собственного народа трудно назвать научными. Не получив систематического исторического образования, он попытался, тем не менее, изложить свои представления в брошюре «Кароткая гісторыя Беларусі», которую издал в 1910 г. под псевдонимом «Власт.»¹ и которую можно считать, с некоторыми натяжками, первым словом белорусской национальной историографии². В ней автор некритически воспринимает генеалогические легенды летописей и хроник XVI в., разбавляя их собственными домыслами вперемешку с достоверными фактами. Уже в 1190 г., по его мнению, «*полочане выбирают своим князем некоего Мингайлу или Мигайлу*», которому наследует его сын Гинвил. Но затем Полоцком вновь правили князья из рода Изяславичей – до той поры, пока «*в 1230 г. литовский князь Рингольд напал на белорусские земли и завоевал их*». Миндовг оказывается сыном и законным наследником Рингольда, но, тем не менее, «*когда Миндовг сел на великокняжеском престоле в Новог-*

рудке и укрепился в землях Смоленской, Витебской, Друцкой, тогда и Полоцкое княжество с Витебском и другими уделами потеряли свою независимость». Чуть далее автор не исключает, что Миндовг мог принадлежать «*к роду князей Полоцких*». Общий характер образования государства ему представляется так: «*... Мало-помалу из Белорусских земель сложилось новое государство – княжество Литовско-Русское. Литовские князья, укрепившись сперва в Полоцке, принимали христианство и роднились с Белорусскими и Южно-Русскими князьями*».³

Институциональное оформление белорусской исторической школы произошло в начале 1920-х гг., после окончательного утверждения советской власти на восточной части белорусских земель, где была образована БССР. Наиболее видными представителями национальной школы стали В. М. Игнатовский (1881–1931), народный комиссар просвещения БССР и первый руководитель Института белорусской культуры, а впоследствии – президент Белорусской Академии наук и директор Института истории, и В. И. Пичета (1878–1947), первый ректор Белорусского государственного университета. Оба они в своих обобщающих трудах по истории Беларуси вскользь затрагивали тему образования ВКЛ. Первый из них сделал это в популярной книге «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» («Краткий очерк истории

¹ Власт. Кароткая гісторыя Беларусі з 40 рысункамі. Вільня: Друкарня Марціна Кухты, 1910.

² Под белорусской историографией далее понимаются научные и научно-популярные тексты, написанные на указанную тему авторами, которые идентифицировали себя как белорусы – независимо от того, на каком языке они писали.

³ Цит. по переизданию: *Ластовскі В. Ю.* Кароткая гісторыя Беларусі. Мінск: Універсітэцкае, 1992, с. 13–17.

Беларуси», первый вариант был написан в 1919 г., неоднократно переиздавалась до 1926 г. и затем в 1991 г.), второй – в монографиях «История Литовского государства до Люблинской унии» (1921 г.) и «Гісторыя Беларусі» (1924).

При этом белорусская идентичность уроженца Полтавы В. И. Пичеты небесспорна, хотя он и публиковал белорусскоязычные тексты. Изучая историю ВКЛ, он основывался на трудах своего учителя, бывшего ректора Московского государственного университета М. К. Любавского (одного из авторов трактовки ВКЛ как «Литовско-Русского государства»). Характерно, что статья Любавского на тему взаимоотношения литовского и «русского» этносов была опубликована на белорусском языке⁴. Тем не менее показательно, что Пичета в своей монографии 1921 г. именовал ВКЛ не Литовско-Русским, а Литовским государством. Надо полагать, понятие «русский» в то время слишком прочно ассоциировалось с Россией.

Интерес представляют взгляды В. М. Игнатовского, белорусская идентичность которого несомненна. Его «Краткий очерк истории Беларусі» на протяжении 1920-х гг. играл роль школьного учебника и тем самым способствовал трансляции научных представлений в массы. Автор отмечал, что, «пользуясь тем общим переполохом, который произвели на Руси татары, он [Миндовг]

захватывает так называемую Черную Русь». В то же время он подчеркивал, что «таким способом Миндовг создал государство, которое с самого начала было не просто литовским, а литовско-белорусским. [...] Единство и согласие между литовским и русским элементами государства зависели от того, что Литовско-Белорусское господство было построено больше путем согласия, чем путем угнетения и войны»⁵. Таким образом, в отличие от Любавского и Пичеты, Игнатовский именует ВКЛ не Литовским и даже не Литовско-Русским, а Литовско-Белорусским государством.

Одной из первых попыток изложить научные представления об истории ВКЛ с точки зрения белоруса можно считать также брошюру Митрофана Довнар-Запольского «Асновы дзяржаўнасці Беларусі» («Основы государственности Беларусі»), изданную в 1919 г.⁶ Цель этой публикации была вполне конкретная – дать обоснование попыткам провозгласить Белорусскую Народную Республику, предпринятым годом ранее, и добиться ее международного признания. К моменту написания этой брошюры М. В. Довнар-Запольский (1867–1934) был маститым ученым-историком, профессором Киевского университета. Но темой образования ВКЛ он углубленно не занимался, хотя в своей преподава-

⁴ *Любаўскі М.* Літва і славяне ў іх узаемаадносінах у 11–13 стст. // *Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай Акадэміі Навук. Працы класы гісторыі.* 1928, т. 3, с. 1–20.

⁵ *Ігнатаўскі У.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Менск, 1926. 4-е выд., пераробленае. Цит. по переизданию: *Ігнатаўскі У.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 1991, с. 73, 81.

⁶ *Доўнар-Запольскі М. В.* Асновы Дзяржаўнасці Беларусі. Городно: Міністэрства Беларускіх спраў, 1919.

тельской деятельности не мог не касаться ее. Можно предположить, что взгляды на формирование ВКЛ он сформировал под воздействием идей своего коллеги М. С. Грушевского – автора концепции «украинско-русской народности», который неоднократно подчеркивал роль «русского» компонента в истории ВКЛ.

Тема образования ВКЛ в брошюре затрагивалась вскользь: автор отмечает постепенное вымирание рода Рогволодовичей и пишет, что *«как раз в это время на западе, в границах мало-культурного литовского народа, возникло независимое Литовское государство. Первые литовские князья присоединили к этому государству небольшие соседние белорусские земли и даже свою столицу, Вильню, построили на землях белорусского народа. Также и другие белорусские княжества начали присоединяться к Литве – частично потому, что литовские князья женились на представительницах вымиравших белорусских княжеских родов, частично – добровольно, на основе соглашений»*. Тут же он подчеркнул, что *«историческая наука совсем отбрасывает все мысли о том, будто бы белорусские земли были завоеваны литовскими князьями... Соединившись с маленьким Литовским народиком и признав высшую, суверенную власть великого князя литовского, каждое из белорусских княжеств имело полную независимость и еще долгое время сохраняло суверенные права. Так сложилось Литовско-Белорусское государство, официально называвшееся*

*Великим Княжеством Литовским, Русским и Жмудским»*⁷.

В такой постановке вопроса заключался вызов историографической концепции, общепринятой в ту пору среди российских и польских историков и столь успешно взятой на вооружение молодым литовским национализмом. Эта концепция утверждала, что одним из этапов образования ВКЛ был насильственный захват литовским князем Миндовгом территории так называемой «Черной Руси», под которой понималась территория белорусского Понеманья с городами Новогрудок (Новогрудок), Городно (Гродно), Слоним и др. (сам термин «Черная Русь» в таком значении в источниках данного периода не встречается).

В начале 1920-х гг. М. В. Довнар-Запольский преподавал в Харьковском, а потом в Бакинском университетах. В 1925 г. он переехал в Минск. Возвращение на родину позволило ему развить свои взгляды на возникновение ВКЛ в монографии «Гісторыя Беларусі», завершённой в 1926 г., но так и не опубликованной в то время (впервые издана в 1994 г.). Характеризуя деятельность Миндовга и отмечая ее неоднозначность, автор упомянул, что этот литовский князь *«захватывает соседние русские земли и даже столицу переносит в Новогрудок»*, но при этом *«стремился укрепить себя силами русского населения»*. Было также отмечено, что Миндовг *«колебался в выборе»* между

⁷ Цит. по переизданию: Доўнар-Запольскі М. В. Асновы Дзяржаўнасці Беларусі. Мінск, 1994, с. 8–9.

католицизмом и «русскими областями с их восточной культурой», причем «немногочисленное литовское племя, притом малокультурное, в этом выборе значения не имело». В конце концов Миндовг «на первый план выдвинул связи с белорусскими землями, что определило дальнейшую политику следующих князей». Но подлинными создателями ВКЛ автор считал Ольгерда и Гедими-на: «Они положили начало той связи, которая стала объединять Литву и белорусские области».

Таким образом, с точки зрения Довнар-Запольского образование ВКЛ завершается лишь тогда, когда в его состав входят все белорусские и украинские земли. Суть процесса заключается в характера их вхождения, который автор описывает так: «Присоединение белорусских земель не было насильственным. Это было присоединение с согласия населения по причине очевидной политической выгоды такого союза... Когда Литва подчиняла себе белорусские княжества, то на ее стороне была военная сила. Но литовцы и соседние белорусские княжества были хорошо знакомы друг с другом в результате прежних отношений. Отношения эти были больше мирного характера, чем враждебного. Поэтому русское население охотно подчинялось власти литовских князей, которые брали под свою охрану от сильных соседей и прекращали междуусобную борьбу. [...] В результате литовцы появились не как завоеватели, а как элемент, который вносил определенный прочный правопорядок в народную жизнь. Само объединение

Литвы и Руси являлось результатом не завоевания, но добровольного подчинения белорусских областей Литве».⁸

Следует отметить, что эти взгляды Довнар-Запольского оставались практически неизвестными не только широкой общественности, но и профессиональным историкам, пока его рукопись находилась в спецхране. После разгрома национальной интеллигенции в 1928 г. белорусская историография на территории БССР вообще надолго исчезает. Тему продолжали лишь авторы, откровенно оппозиционные к Советской власти и жившие на неконтролируемой ею территории. Микола Шкяленок в 1938 г. опубликовал в Вильнюсе краткую статью «Падзел гісторыі Беларусі на пэрыёды», в которой в тезисной форме изложил концептуально новый взгляд на создание ВКЛ: Миндовг первоначально утвердился «в западном углу белорусских земель», включая Новогрудок, а затем «во главе белорусских дружин» завоевал Аукштайтию и Жемайтию. Таким образом, его государство «от своего возникновения было белорусское»⁹. Насколько известно автору этих строк, это была первая попытка радикальной смены акцентов: белорусский этнический компонент объявлялся не просто одним из участников образования ВКЛ, но его инициатором. Это давало основание белорусам претендовать на исклю-

⁸ Доўнар-Запольскі М. В. Гісторыя Беларусі. Мінск, 1994. с. 54–56.

⁹ Шкялёнак М. Падзел гісторыі Беларусі на пэрыёды // Запісы беларускага навуковага таварыства. Вільня, 1938. Цит. по переизданию: Спадчына. 1993, № 3, с. 4–5.

чительное право наследия ВКЛ, как это ранее делали литовцы.

Эта идея в годы немецкой оккупации популяризировалась белорусскими коллаборационистами (одним из их лидеров был М. Шкяленок), а в послевоенное время упоминалась в эмигрантских изданиях (например, в брошюре Л. Рыдлевского «Bielogussie», изданной в Париже в 1948 г.)¹⁰. Дальнейшее развитие концепция Шкяленка получила в работах Микола Ермаловича. Первые попытки изложить ее предпринимались им в 1970 г. в тогдашнем рупоре национальной интеллигенции – газете «Літаратура і мастацтва»¹¹, а затем в самиздатовской листовке «Гурток» (1975–1976), но были расценены официальными властями как попытки протащить враждебную идеологию.

Тексты Ермаловича неоднократно обсуждались и рецензировались сотрудниками Института истории АН БССР и неизменно отвергались как научно несостоятельные. При этом, по воспоминаниям участников этих обсуждений, происходил любопытный процесс. Первые варианты «концепции Ермаловича» были откровенно дилетантскими. Критики указывали, что в них не учтены те или иные источники, обращали внимание на противоречивые факты, элементарные логические ошибки в суждениях. Вскоре появлялся новый вариант, в котором наиболее вопиющие ошибки оказывались исправленными, ранее упущенные факты учитывались,

но подвергались истолкованию в русле первоначальной концепции. Критики указывали на новые несоответствия, и цикл повторялся снова. Так изначально дилетантский текст коллективными усилиями экспертов совершенствовался, не меняя своей основной направленности. К моменту, когда рухнул Советский Союз и М. Ермалович получил возможность опубликовать свои взгляды в монографии «Па слядах аднаго міфа» (впервые издана в 1989 г.)¹², этот текст имел уже выверенные ссылки и внушительную библиографию, внешне воспринимаясь как вполне научный. Более того, издана книга была в академическом научном издательстве, а в качестве научного редактора значился авторитетный белорусский историк, профессор А. П. Грицкевич.

Основные постулаты Ермаловича и Шкяленка совпадают: первоначальной территорией, с которой началось образование ВКЛ, было Новгородское княжество, в котором мирным путем утвердился Миндовг. Отсюда он завоевал территорию современной Литовской Республики, присоединив ее к Новгородку, а не наоборот. Государство создавалось в интересах и благодаря усилиям жителей Новгородка и его окрестностей – предков современных белорусов. Но Ермалович добавил в эту концепцию несколько собственных идей. Первая из них заключалась в том, что Литва, упоминаемая в источниках XI–XII вв., из которой происходил Миндовг, нахо-

¹⁰ Rydlevsky L. Bielorrussie. Paris, 1948.

¹¹ «Літаратура і мастацтва», 24 07 1970.

¹² Ермаловіч М. І. Па слядах аднаго міфа / Навук. Рэд. А. П. Грыцкевіч. Мінск.: Навука і тэхніка, 1989.

дилась в верхнем Понеманье, исключительно на территории современной Республики Беларусь. Вторая идея – о бегстве Миндовга из этой Литвы и приглашении его жителями Новгородка в качестве служилого князя (наёмника). Присоединение «Литвы Миндовга» к Новгородку Ермалович выносит за рамки процесса образования ВКЛ. Собственно этот процесс заключался в завоевании новгородской дружиной Миндовга территории современной Литовской Республики (отождествляемой с Жомойтской и Нальщанской землями письменных источников), которое произошло при Войшелке. Именно его Ермалович объявляет создателем ВКЛ.

В 1992 г. автор этих строк изложил свой взгляд на образование ВКЛ в статье «Працэс утварэння Вялікага княства Літоўскага (13–14 стст.)»¹³. В более расширенном варианте они были опубликованы в научно-популярной книге «Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы» (1993 г.)¹⁴, текст которой был написан в 1989–1990 гг. Хронологически статья писалась позднее, представляя собой краткое изложение и некоторое развитие основных выводов книги. Сегодня можно сказать, что, не будучи в тот момент знакомым со взглядами М. В. Довнар-Запольского, автор этих строк заново воспроизвел его основные выводы (если не учитывать некоторых слишком вольных

утверждений – например, о строительстве Вильни на этнически белорусских землях или о неучастии «малокультурного» литовского племени в выборе дальнейшего политического курса).

С высоты сегодняшнего дня наиболее важными автору представляются следующие аспекты собственной работы почти двадцатилетней давности: была подчеркнута особенность внутриполитической структуры Руси накануне татарского нашествия, при которой она воспринималась как единое целое даже при полной самостоятельности отдельных представителей династии Рюриковичей. *«Завоевание татарскими основными жизненными центрами Руси фактически означало переход под их власть всего государства. Не случайно татарская дань в середине XIII в. охватила и те земли, куда их войско не дошло (Великий Новгород, Смоленск). [...] Единственным выходом был разрыв с политической системой Руси, внешним воплощением которого могла стать смена правящей династии»*.¹⁵ Другими словами, реальным мотивом для заинтересованности во власти литовских князей могла стать не столько их способность предотвращать междоусобную борьбу и «вносить прочный правопорядок в народную жизнь», о которой писал Довнар-Запольский, сколько возможность избежать с их помощью печальной участи всех владений Рюриковичей – гораздо более жесткой татарской зависимости.

¹³ *Насевіч В. Л.* Працэс утварэння Вялікага княства Літоўскага (13–14 стст.) // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён. Мінск, 1992, с. 54–63.

¹⁴ *Насевіч В. Л.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск.: Польша, 1993.

¹⁵ *Насевіч В. Л.* Працэс утварэння Вялікага княства Літоўскага (13–14 стст.), с. 57.

Вторым важным моментом было акцентирование того обстоятельства, что в течение 1250-х – 1270-х гг. галицко-волыньские и татарские войска неоднократно захватывали Новгородчину, но она каждый раз вновь оказывалась под властью литовских князей: «Никаким завоеванием этот факт объяснить нельзя. Если бы литовская власть была навязана городам Белорусского Поманья и Подвинья силой, без желания местного населения, никогда бы Литва не смогла в таких сложных внешнеполитических условиях сохранить эти территории за собой».¹⁶

Хронологически и книга, и статья были доведены до рубежа XIV–XV столетий, когда, по мнению автора, «процесс образования ВКЛ можно считать в основном завершённым. Сформировалась его территория, основные черты внутренней структуры, внешнеполитические приоритеты. Условия, сложившиеся к этому времени, в значительной степени определили характер дальнейшей истории государства. Его нельзя считать ни литовским, ни белорусским, ни украинским, но без этого государства невозможно было бы появление каждого из этих народов в их сегодняшнем виде. Все они имеют свои права на его историческое наследие, как каждый из детей имеет право на наследство своих родителей».¹⁷

В 1990-е гг. тема образования ВКЛ активно обсуждалась в периодической печати, но в качестве научных публи-

каций выходили, как правило, не новые исследования, а ранее недоступные тексты. В 1991 г., как уже упоминалось, был переиздан очерк Игнатовского, в 1994 г. наконец опубликована монография Довнар-Запольского. Концепция М. Ермаловича получила развитие в серии книг, из которых последняя вышла уже после его смерти под характерным названием «Белорусское государство Великое Княжество Литовское»¹⁸.

Важное значение с точки зрения ретрансляции исторических знаний имел выход в 1993 г. нового учебного пособия по истории Беларуси для 5–6 классов¹⁹. Именно из него те жители Беларуси, которые сегодня находятся в возрасте 20–27 лет, черпали базовые сведения об истории своей родины. В нем был параграф «Образование белорусско-литовского государства – основы Великого княжества Литовского», написанный Г. В. Штыховым. Он представлял собой чуть смягченную версию концепции Ермаловича: отмечалось, что мнения исследователей о локализации Литвы XI–XII вв. расходятся, но по одной из версий она могла находиться на территории Республики Беларусь. Зато гипотеза о бегстве Миндовга из Литвы в Новгородок и последующем завоева-

¹⁶ Насевич В. Л. Працэс утварэння Вялікага княства Літоўскага (13–14 стст.), с. 59.

¹⁷ Там же, с. 63.

¹⁸ Ермаловіч М. І. Старажытная Беларусь: Палашкі і новагародскія пераляды. Мінск, 1990; Ермаловіч М. І. Па слядах аднаго міфа. 2-е выд. Мінск, 1991; Ермаловіч М. Старажытная Беларусь: Віленскі пераляд. Мінск, 1994; Ермаловіч М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае. Мінск, 2000.

¹⁹ Штыхаў Г. В., Пляшэвіч У. К. Гісторыя Беларусі. Старажытныя часы і сярэднявечча. Вучэбны дапаможнік для вучняў 5–6 класаў. Мінск: Народная асвета, 1993.

нии отсюда «земель в Верхнем Понеманье» излагалась безо всяких оговорок: «Миндовг стал великим князем государства, которое начиналось с Новгородской земли. Первой ее столицей был Новгородок с восточнославянским населением и культурой. Поскольку город находился на пограничьи с литовскими землями, за новым, по сути белорусско-литовским государством, закрепилось название Литва». Но тезисы о насильственном присоединении территории современной Литовской Республики и о решающей роли Войшелка не упоминаются.

Официальная академическая наука долгое время не могла определиться в отношении альтернативных взглядов на образование ВКЛ. В двухтомнике «Нарысы гісторыі Беларусі» (1994), призванном показать историю Республики Беларусь с позиций ее граждан, эта тема была фактически обойдена. Точнее, она мимоходом затрагивалась в двух разделах. В разделе «Белорусская государственность в раннем средневековье», написанном Г. В. Штыховым и Т. Н. Коробушкиной, бедно упоминалось, что «в XIII в. происходила борьба галицко-волинских князей с князем Миндовгом за владение Верхним Понеманьем». Деятельность Миндовга по созданию государства характеризовалась так: «Миндовг, который происходил из семьи крупного литовского феодала, насилем и подкупом подчинил себе мелких феодалов в промежуток от середины 1230-х до 1263 г. и основал относительно единое независимое государство». Чуть далее еще раз отмечалось: «Ему удалось создать относительно

единое белорусско-литовское государство, которое послужило основой Великого княжества Литовского».²⁰ В разделе «Политические отношения в Великом княжестве Литовском», написанном О. П. Лойко, говорилось: «Именно Новгородская земля вместе с соседними ей литовскими стала ядром зарождения нового государства в верхнем и среднем Понеманье, которое получило название Литовское княжества», и следовала ссылка на книгу М. И. Ермаловича «По следам одного мифа», которая в тексте явно не упоминалась. Чуть далее констатировался длительный период возникновения ВКЛ: «Целое столетие, даже немного больше, Литовское государство становилось Великим княжеством Литовским, Русским, Жомойтским». При этом, отмечая разные пути вхождения белорусских земель в состав Литовского государства, автор подчеркивал, что «скудные, отрывочные сведения, дошедшие от той поры, не позволяют определить точную картину этого процесса».

Лишь в 1998 г. появилась первая научная монография, посвященная исключительно рассматриваемой теме. Ее автор А. К. Кравцевич впервые попытался с белорусских позиций изложить историографию проблемы, а также изложил собственные взгляды на образование ВКЛ: его предлагалось рассматривать как кульминацию многовекового балто-славянского взаимодействия. При этом автор настойчиво подчеркивал отсутствие исторических свидетельств

²⁰ Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х частках. Ч. 1. Мінск: Беларусь, 1994, с. 102, 102.

враждебности между предками литовцев и белорусов и обращал внимание на то, что процесс ассимиляции балтов, наблюдаемый в регионе по меньшей мере с IX в., после образования ВКЛ не прекратился. Возможность завоевания литовцами белорусских земель в таком контексте категорически отрицалась: *«Началом ВКЛ стал созданный около 1248 г. союз восточнославянского рода Новгородка с балтским нобилом Миндовгом»*. С другой стороны, и идею Шкяленка – Ермаловича о завоевании Литвы белорусскими дружинами автор не поддержал, ибо она тоже противоречила бы постулату о мирном характере межэтнического взаимодействия. Не согласился он также с гипотезой о локализации первоначальной Литвы на территории современной Беларуси. Но в целом автор давал понять, что ему близок общий пафос работ Ермаловича, при котором ВКЛ представлялось скорее белорусским, чем литовско-белорусским государством: *«ВКЛ с самого начала было бизэтничным балто-восточнославянским государством с доминированием восточнославянского компонента»*.²¹

Некоторые из выводов А. К. Кравцевича вызвали критическую рецензию автора этих строк²². Прежде всего в рецензии отмечался слишком упрощенный подход в историографической части книги Кравцевича, в которой

игнорировалось своеобразие позиции Довнар-Запольского и Игнатовского по сравнению с историками, допускаями завоевательных характер расширения власти Литвы, а преемственность между взглядами Шкяленка и Ермаловича не упоминалась вообще. Подвергся сомнению тезис Кравцевича об исключительно мирном характере контактов между предками белорусов и литовцев, а также слишком категоричные попытки отрицать наличие государства у литовцев до вокняжения Миндовга в Новгородке. Подчеркивалось, что тезис об изначальном доминировании *«восточнославянского компонента»* (термина «русский» или «руський» в его историческом смысле Кравцевич старательно избегал) сомнителен в свете более поздних событий, которые в работе Кравцевича не рассматривались: положений Кревской и особенно Городельской уний, откровенно дискриминировавших православное население, а также преобладания в политической элите XV в. выходцев с этнически литовских территорий.

Рецензия вызвала небольшую полемику на страницах журнала «Беларускі гістарычны агляд»²³. В своем ответе А. К. Кравцевич сосредоточился на достаточно частных вопросах, разъясняя прежде всего свою позицию в отношении государствообразовательных процессов в этнической Литве. В то же он

²¹ Краўцэвіч А. К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. Мінск.: Беларуская навука, 1998.

²² Насевіч В. Пытанніў больш чым адказаў // Беларускі гістарычны агляд. Т. 5, сш. 1 (8), 1998, с. 210–226.

²³ Краўцэвіч А. Да праблемы генезісу Вялікага Княства Літоўскага // Беларускі гістарычны агляд. Т. 5, сш. 2 (9), 1999; Насевіч В. Няма прынцыповых разыходжанняў // Там же, с. 455–456

не сделал попыток опровергнуть вывод рецензента о том, что с точки зрения более поздних событий доминирование восточнославянского компонента выглядит, мягко говоря, небесспорным. Это давало основания предположить, что А. К. Кравцевич молчаливо признает шаткость своего тезиса и больше не настаивает на нем. С учетом такой коррективы его взгляды становились достаточно близки взглядам автора этих строк, что и позволило последнему констатировать сближение точек зрения в белорусской историографии образования ВКЛ.

Подтверждением этой мысли стало появление в скором времени обзорного очерка истории Беларуси от древности до конца XVIII века, опубликованного Г. Сагановичем в 2001 г. Теме образования ВКЛ в нем был посвящен довольно обширный раздел, который хронологически охватывал период от Миндовга до Витовта включительно (т.е. Г. Саганович считает процесс образования ВКЛ еще более длительным, чем автор этих строк). Начало процессу положил захват Миндовгом единоличной власти в собственно Литве примерно в 1240-е гг. *«Немного позднее власть Миндовга распространилась на смежные территории Беларуси»,* причем *«летописи не дают никаких свидетельств насильственного подчинения этой земли. Скорее всего, Миндовг был провозглашен князем с согласия местного населения».* Упомянув о последовавшей борьбе за эти территории, автор утверждает: *«Важно отметить, что в этой войне с Данишлом Галицким жители городов*

*Черной Руси заняли сторону Миндовга, а это вряд ли случилось бы после насильственного подчинения Белорусско-го Понеманья литовским князьям».*²⁴

Примечательны некоторые акценты, которые автор расставляет при описании деятельности Гедимины и Ольгерда. Характеризуя присоединение Гедимином Берестейской земли, недостаточно четко отраженное в источниках, он предполагает: *«Вероятно, жители Берестейщины были недовольны зависимостью от волынских князей, и Гелимину пришлось воевать не с населением, а с этими князьями».* В целом, *«объединяя славянские земли под своей властью, Гедимин обходился, как правило, без подавления и завоевания».* Тезис о ненасильственности подчинения повторяется затем неоднократно. На этом фоне мысль о том, что *«в ее [монархии Гедиминовичей] государствообразовательном процессе с самого начала большая роль принадлежала восточнославянскому элементу»*, проходит несколько приглушенно. В эпоху Ольгерда автор констатирует возрастание веса «русского» (восточнославянского) элемента в государстве²⁵. В остальной части раздела военно-политические события излагаются в хронологической последовательности, и в чем же заключался процесс **образования ВКЛ** во время Ягайлы и Витовта, остается необъясненным.

Очевидно общее совпадение с позицией автора этих строк и А. К. Крав-

²⁴ Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя. Мінск: Энциклапедыкс, 2001, с. 60, 61, 63.

²⁵ Там же, с. 66, 67, 71, 76.

цевича при отсутствии каких-либо со-звучий с радикальными постулатами М. Ермаловича. В послесловии Г. Саганович формулирует свое отношение к наследию ВКЛ: оно «*принадлежит тем современным народам, предки которых создавали и защищали общее государство. Самым не востребовавшимся оно остается в Беларуси, где укорененные с советских времен трактовки и образы давнего прошлого все еще ждут пере-смотра и переоценки*»²⁶.

В дальнейшем взгляды белорусских историков на проблему образования ВКЛ нашли отражение в шеститомной «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (1993–2003) и двухтомной энциклопедии «Вялікае Княства Літоўскае» (2005–2006), а также в текстах для второго тома шеститомной «Гісторыі Беларусі», который пока так и не увидел свет по причине слишком затянувшегося редактирования. При этом доста-точно важные в концептуальном плане энциклопедические статьи «Миндовг», «Войшелк», «Гедимин», «Русь», «Лит-ва» и «Литвины», а также текст для «Гісторыі Беларусі» о периоде с середины XIII в. до Кривской унии²⁷ были за-казаны автору этих строк, из чего мож-

но заключить, что его взгляды по этим вопросам представляются редакторам и редсоветам этих изданий достаточно ортодоксальными.

Но некоторые обстоятельства вы-нуждают признать, что до полного консенсуса дело пока не дошло и, возмож-но, не дойдет. Прежде всего, обращает на себя внимание обзорная статья «Гіс-торыя» в первом тому энциклопедии «Вялікае Княства Літоўскае», написан-ная А. П. Грицкевичем. Образование ВКЛ в этой статье затрагивается очень кратко, но в духе концепции М. Ермало-вича: «*Ядром ВКЛ при его образовании в середине 13 в. были белорусские земли верхнего и среднего Понемонья и земли по верхнему течению Вили. [...] Включе-ние белорусских земель в состав ново-созданного государства имело преиму-щественно добровольный характер... Образование ВКЛ с центром в Нового-родке относится к 1240-м гг., когда по приглашению местных бояр тут начал княжить Миндовг*».²⁸

А. К. Кравцевич, который сейчас жи-вет и работает в Польше, высказался по поводу выхода энциклопедии «Вялікае Княства Літоўскае» в интервью радио «Свабода», текст которого доступен в Интернете²⁹. В этом интервью Кравце-вич не скрывает обиды по поводу того, что не ему были заказаны тексты, связан-ные с образованием ВКЛ, и вновь под-

²⁶ Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя. Мінск: Энцыклапедыкс, 2001, с. 347.

²⁷ Текст раздела «ВКЛ от возникновения до Кривской унии» для второго тома «Гісторыі Беларусі» неоднократно перерабатывался автором на протяжении 1997–2005 гг. При этом несогласованности в организации редактирования тома привели не только к общей задержке с его выходом, но и к тому печальному обстоятельству, что последняя авторская версия в окончательный текст не попала и в набор пошла более ранняя версия. «Выпавший» вариант выставлен на сайте: <http://vn.belinter.net/vkl/21.html>.

²⁸ Грицкевіч А. Гісторыя // Вялікае княства Лі-тоўскае: Энцыклапедыя ў 2 тамах. Т. 1. Мінск, 2005, с. 7.

²⁹ <http://svaboda.org/textarticlesprograms/openstudio/2007/5/cae90073-67d9-4259-a33d-973f1d96908a.html>.

черкивает свое несогласие с позицией автора этих строк. Весьма показателен тон его высказываний: *«Представление Носевича о начальной истории ВКЛ взято из литовской³⁰ историографии и слегка подкорректировано. Да, белорусы были присоединены к литовскому государству, но они присоединились добровольно. Да, литовцы политически доминировали в этом государстве, но белорусы доминировали культурно. Это вот такой гибрид концепции Носевича. Я считаю, что она приносит вред белорусской науке, потому что не существует никаких фактов, которые позволяли бы заимствовать литовскую концепцию. Литовская концепция выражено служит государственной идеологии Литвы. Имеющиеся источники и факты позволяют строить другую концепцию, которая имеет белорусский характер. Это пресмыкательство перед соседями мне очень не нравится».*

Этот пассаж позволяет понять, как должна выглядеть с точки зрения сегодняшнего Кравцевича концепция, имеющая «белорусский характер». Если белорусы не были присоединены к литовскому государству – ни насильственно, ни добровольно, а литовцы не доминировали в этом государстве политически, то получается, что оно было белорусским с самого начала, и политически доминировали в нем именно белорусы.

³⁰ А. К. Кравцевич предпочитает проводить четкое разграничение между этнонимами литовцев XI–XVI вв. и современного этноса, который он именует «летувисами». При переводе его высказываний на русский язык автор этих строк использует традиционное написание.

Тем самым А. К. Кравцевич показывает, что остался верен своему первоначальному тезису о «доминировании восточнославянского компонента», сомнения в котором он так и не смог опровергнуть научными аргументами. Остается ждать, что он наконец предьявит «источники и факты», подтверждающие его точку зрения в широкой исторической перспективе.

Пользуясь случаем, хотелось бы отметить, что автор этих строк частично выполнил эту работу за него. В неопубликованном тексте для второго тома «Гісторыі Беларусі» предпринята попытка развить мнение Довнар-Запольского о выборе между Востоком и Западом, который долго не решалась сделать политическая элита ВКЛ. Выбор, сделанный при Миндовге, нельзя считать окончательным, поскольку при последующих правителях, до Ольгерда включительно, сохранялась реальная перспектива объединения под властью ВКЛ всех русских земель. Именно эта перспектива, по мнению автора этих строк, побуждала правителей к балансированию между интересами двух этнических компонентов и отсрочивала католическое крещение Литвы. Нереальность этой перспективы выяснилась только после неудачных походов Ольгерда на Москву и попыток Ягайлы вмешаться в борьбу между Дмитрием Донским и Мамаем. Именно после этого был сделан решительный поворот в сторону Запада, вызвавший дискриминацию православного населения. Таким образом, последующее доминирование католической знати может быть объ-

яснено без противоречия с тезисом о **высоком статусе** русского компонента в более ранний период. Но это не означает, тем не менее, автоматического признания его **политического доминирования**. Авторы, утверждающие, что такое доминирование имело место, берут на себя ответственность доказать это вескими научными аргументами.

Тем не менее вопрос остается открытым. Об отсутствии консенсуса в белорусской историографии говорит и анализ учебников и пособий для высшей школы, опубликованных в последние годы. Поскольку число их довольно велико³¹, остановимся лишь на двух переизданных в самое последнее время, что свидетельствует об их востребованности и актуальности с точки зрения государственной системы высшего образования. В учебном пособии П. Г. Чигринова «Очерки истории Беларуси», впервые изданном в 2000 г. и переизданном в 2007, мы встречаем авторскую версию происхождения ВКЛ, которая отбрасывает нас даже не к Ермаловичу, а к любительскому опусу В. Ластовского: Миндовг вновь оказывается сыном Рингольда, завоевавшего белорусские земли в 1230-е гг. Поразительно, но этот тезис, свидетельствующий об отсутствии элементарных навыков критики источников, продолжает преподноситься студентам в XXI веке.

³¹ См. например: *Дзмітрачкова П. Ф.* Беларусь у складзе Вялікага княства Літоўскага: другая палова XIII – першая палова XVII стст. Магілёў, 2003; *Трещенок Я. И.* История Беларуси. Ч. 1. Досоветский период. Могилев, 2003; *Чигринов П. Г.* История Беларуси с древности до наших дней. Минск, 2004.

Более академичен и презентабелен двухтомник под редакцией Е. К. Новика и Г. С. Марцуля, выдержавший к 2007 г. уже третье издание³². В нем теме образования ВКЛ посвящены два альтернативных параграфа. Один из них, написанный О. Э. Загорульской, перечисляет спорные моменты и существующие концепции, вскользь отмечая, что концепция М. Ермаловича не пользуется поддержкой профессиональных историков. Тем не менее, сразу же после этого следует параграф, написанный Я. К. Новиком, в котором достаточно подробно пересказывается именно концепция Ермаловича. Таким образом, студентам предоставлено право самостоятельно делать вывод, какой из версий руководствоваться, т. е. решать задачу, оказавшуюся, по-видимому, непосильной для конклава их преподавателей.

* * *

Здесь автору этих строк хотелось бы высказать собственное, субъективное отношение о причинах столь затянувшейся разногласицы мнений по вопросу образования ВКЛ. Свои первые тексты на эту тему я писал, придерживаясь неопозитивистской позиции и будучи уверенным, что методы научного исследования позволяют каждому, кто располагает определенным набором фактов, приходиться к одним и тем же, объективным выводам. Многочислен-

³² *Гісторыя Беларусі ў двух частках. Ч. 1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 / Пад рэд. Праф. Я. К. Новік і Г. С. Марцуля. 3-е выд., дапрацаванае. Мінск: Вышэйшая школа, 2007.*

ные параллели моих текстов с позицией Довнар-Запольского, обнаружившиеся после публикации его труда, лишь укрепили меня в этой уверенности. И наоборот, невероятная популярность концепции Ермаловича не только среди дилетантов, но и среди некоторых профессиональных историков, озадачивала: неужели каждому, кто знаком с основными фактами, неочевидна несостоятельность попыток вывести из них подобную концепцию? Недоумение усугублялось тем, что набор имеющихся письменных свидетельств сравнительно невелик – при желании и некоторой настойчивости не только профессиональный историк, но и любой интересующийся в состоянии учесть и запомнить их все. Разногласия мнений порождалась не столько незнанием фактов, сколько их избирательным восприятием и «извращенными», как мне казалось, интерпретациями.

В те годы я ничего не слышал о знаменитой теореме Гёделя, которая гласит: в любой замкнутой логической системе можно сформулировать суждения, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть с помощью исходного набора аксиом. Эта теорема, доказанная в 1931 г., ставит фундаментальное ограничение на возможности научного метода. Следовательно, даже при наличии одинаковых аксиом (в данном случае – «исторических фактов») возможны исключаящие друг друга суждения. Ситуация становится еще более зыбкой, если учесть, что набор аксиом может быть разным.

В теме образования ВКЛ есть несколько вопросов, на которые источники не дают однозначного ответа. В частности, ни один источник, упоминающий Литву в XI – первой половине XIII века, не содержит ясных и непротиворечивых указаний, где она находилась. Особенно это касается «Литовской земли» в узком смысле, в которой находилась первоначальная вотчина Миндовга. Также ни один источник не объясняет, каким образом Новогородок оказался под властью Миндовга и каков был первоначальный характер этой власти. Любое утверждение на одну из этих тем будет предположительным. Если использовать его в качестве основы для последующих логических конструкций, то оно играет роль аксиомы.

Принимая в качестве аксиом, что «Литва Миндовга» находилась на территории современной Литовской Республики, а Новогородок оказался под его властью в результате завоевания или иной формы принуждения, мы можем уложить остальные факты в непротиворечивую схему, приводящую к выводу: создание ВКЛ было инициировано предками современных литовцев. Правда, вывод о том, что именно они имеют первоочередное право на наследие этого государства, не столь логически безупречен. Усилия того направления белорусской историографии, которое восходит к Довнар-Запольскому и Игнатовскому, были направлены в первую очередь на то, чтобы показать: этой первоначальной инициативы было бы недостаточно для создания по-настояще-

му **Великого** княжества – важнейшего фактора в истории восточноевропейского региона на протяжении нескольких столетий. Это стало возможным только благодаря участию второго этнического компонента – предков современных белорусов. Следовательно, они имеют **равное** (или, как минимум, **сопоставимое**) право на наследие ВКЛ.

Если же принять за аксиому, что «Литва Миндовга» находилась на территории Республики Беларусь (т. е. ее потомки влились не в литовский, а в белорусский этнос), а в Новогродке он оказался по приглашению местного населения, то инициаторами создания нового государства оказываются белорусы. Учитывая, что позднейшее превращение его в региональную державу также было невозможным без их активного участия (в этом обе теории единодушны), общий вклад белорусов выглядит значительно более весомым. Это позволяет говорить об их **преимущественном** праве на наследие ВКЛ.

Собственно говоря, обе эти аксиомы вместе оказываются избыточными – для получения требуемого вывода достаточно любой из них. Это позволило Кравцевичу критиковать Ермаловича за неудачную локализацию «Литвы Миндовга» – его собственная аксиома о невозможности конфронтации между двумя этносами обеспечивала желаемый результат. И именно амбивалентное отношение автора этих строк к обстоятельствам вокняжения Миндовга в Новогродке объясняет агрессивность Кравцевича, внешне загадочную на

фоне общей близости наших позиций: в вопросе, столь важном для окончательного вывода, «своим» для него мог бы стать только полный единомышленник.

Таким образом, две альтернативные концепции различаются не столько качеством научного анализа или полнотой учета имеющихся фактов (хотя эти моменты тоже присутствуют), сколько разным выбором исходных аксиом. Поэтому в терминах постмодернизма правомочно говорить не о разных концепциях, а о **двух конкурирующих парадигмах**. В такой ситуации критика оппонентов с точки зрения погрешностей в их логической цепочке не достигает цели – она лишь приводит к исправлению частных недостатков и тем самым способствует упрочению парадигмы, которую пытаются опрокинуть. Именно это происходило при полемике академических экспертов с ранними текстами Ермаловича, а также при попытках литовских историков дискредитировать зрелую версию его концепции.

Напрашивается вывод, что познавательные возможности исторической науки по данному вопросу близки к исчерпанию. Имеющиеся факты позволяют построить две версии происшедших событий, «окончательный» (в позитивистском смысле) выбор между которыми невозможен. Каждый, кто интересуется происхождением ВКЛ, вправе принять любую из имеющихся парадигм и может делать это, руководствуясь личными соображениями – например, тем, к какому из современных этносов он себя причисляет. Другими

словами, неправомочно требовать от литовца, чтобы он согласился с «пробелорусской» парадигмой, и наоборот.

Возможно, в конце концов мы все придем именно к такому выводу, но спешить с ним не стоит. Все-таки на сегодняшний день качество двух логических конструкций неравноценно. Выбор между ними возможен не только с позиций внешней конъюнктуры, но и с точки зрения их внутренней стройности, если угодно – эстетического изящества. Концепция, предполагающая ведущую роль «русского» компонента при становлении двухэтничного государства, требует больших интеллектуальных усилий при объяснении его последующей истории. Возможно, ее сторонники под воздействием критики сумеют найти недостающие аргументы, но пока их явно не хватает.

Впрочем, не исключено, что произойдет прорыв в области первой из вышеупомянутых аксиом – относящейся к локализации «первоначальной Литвы» и оценке вклада ее потомков в современные этносы. В отличие от обстоятельств вокняжения Миндовга, здесь возможно появление новых фактов со стороны смежных наук – археологии, антропологии и такого перспективного направления, как ДНК-генеалогия. Как известно, сторонникам Ермаловича не удалось найти в предложенном им ареале следы балтского населения, достаточно многочисленного, чтобы соответствовать описаниям Литвы в письменных источниках. Попытки историка из белорусской диаспоры П. Урбана ре-

шить проблему за счет гипотезы о славянской этноязыковой принадлежности «летописной Литвы»³³ также нельзя признать состоятельными – слишком уж много имеется фактов, явно противоречащих этой версии.

Если придерживаться наиболее распространенной на данный момент версии о принадлежности «летописной Литве» части археологической культуры восточнолитовских курганов, возможный вклад археологии в решение проблемы не слишком обнадеживает сторонников обеих парадигм. Культура эта выглядит слишком однородной, чтобы в ее ареале можно было распознать этнополитические образования, упоминаемые источниками – Нальщанскую и Литовскую земли. Локализация культуры по обе стороны от современной белорусско-литовской границы не дает оснований отождествлять ее потомков исключительно с одним нынешним этносом, а между тем логика обеих парадигм требует именно этого. Кроме того, уровень социального развития носителей этой культуры был далеко не самым высоким в интересующем нас регионе. Учет этого обстоятельства делает излишне шаткой конструкцию, приписывающую именно этому населению решающую роль в образовании ВКЛ.

Между тем на северо-западе современной Беларуси и прилегающих частях Литвы имеются свидетельства присут-

³³ Урбан П. Да пытання этнічнай прыналежнасці старажытных літвіноў. Мінск, 1994; *Он же*. Старажытныя літвіны: Мова, паходжанне і этнічная прыналежнасць. 2-е выд., 2003.

твия довольно многочисленного балтского населения, не относящегося к культуре восточнолитовских курганов. Речь идет о культуре каменных могил, продолжающей традиции западнобалтской (ятвяжской) культуры каменных курганов. Широкий ареал ее распространения и чересполосное расселение с восточными славянами стали очевидны после публикации исследования А. В. Квятковской³⁴. В работе А. К. Кравцевича это служит важным аргументом в пользу активности и мирного характера этнических контактов в верхнем Понеманье. Но интерпретация феномена каменных могил, безусловно, еще не завершена. Следует учесть, что работа А. В. Квятковской не идеальна в методологическом плане и не позволяет четко представить территориальные и особенно хронологические рамки распространения этой культуры. Здесь явно требуются дополнительные, углубленные исследования. Но по состоянию на сегодняшний день нельзя исключить вероятности того, что носители культуры каменных могил окажутся наиболее успешными кандидатами на роль «Литвы Миндовга».

В этой связи заслуживает упоминания интернет-публикация Виктора Вераса «У истоков исторической правды»³⁵, в которой он предлагает развитие концепций Ермаловича и Кравцевича за счет усиления «первой аксиомы» – обоснования связи «первоначальной Литвы» с предками белорусов, а не литовцев. Публикацию в целом можно

расценить как компилятивную и даже в значительной степени дилетантскую, но некоторые идеи не лишены интереса. В частности, автор заимствует идею Льва Гумилева о комплементарности этносов – степени их взаимной терпимости и симпатии друг к другу. Согласно этой идее, существуют этносы комплементарные, способные жить в тесном соседстве и находить взаимовыгодные компромиссы, а есть некомплементарные, вызывающие друг у друга инстинктивную неприязнь и отчуждение. В этом плане легко обосновать комплементарность носителей культуры восточнолитовских курганов с культурой жемайтских грунтовых могильников, но не с восточнославянским населением. И наоборот, культура каменных могил явно комплементарна со славянами. Благодаря тесным контактам с последними уровень ее социального развития был достаточно высок для того, чтобы претендовать на ведущую роль в политическом союзе балтских княжеств. В. Верас приводит также антропологические аргументы в пользу того, что носители культуры каменных могил, вероятно, влились в белорусский этнос (по его версии – сыграли решающую роль в формировании этого этноса).

Разумеется, в этом вопросе еще слишком много неясного. Но, по крайней мере, есть перспективы для дальнейших исследований, которые либо подтвердят, либо опровергнут предложенную гипотезу. Это еще более укрепляет меня в мысли, что точку в научном решении проблемы образования ВКЛ ставить пока рано.

³⁴ Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси (к. IX–XVII вв.). Вильнюс, 1998.

³⁵ <http://veras.litvin.org>.

ISSUES OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA FORMATION: A REVIEW OF THE BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

Viachaslau Nasevich

S u m m a r y

In early 1920s the historians who identified themselves as Belarusians (U. Ignatouski, M. Dounar-Zapolski) formulated their position regarding to formation of the Grand Duchy of Lithuania. They accentuated the peaceful involving of the Belarusian lands into the new state triggered by Lithuanians, and claimed it's mutual essence as the Lithuanian-Belarusian state.

The new accent was brought by M. Shkialionak, who contended in 1930es that the real triggers of the Grand Duchy of Lithuania formation were the Belarusians, and the state was predominantly Belarusian. The two alternative views coexists in the Belarusian historiography hitherto.

*Iteikta 2008 10 13
Parengta skelbti 2008 10 24*